

2. Видеозритель являет собой наиболее самостоятельный (самоуправляемый) эстетический субъект. Становление категории видеозрителей напрямую обусловлено формированием их эстетического опыта, в который входит установка на поисковую креативность, вызванную предельно жизнеподобными и имплицитно кодированными видеотекстами. Как эстетический субъект видеозритель относится к индивидуализированному типу зрителя, которому интересны прежде всего авторские фильмы. А в совокупности видеозрительская аудитория выступает как узкоспециализированная или элитарная;

3. Видеовосприятие, предполагая интеллектуально-игровой способ эстетического постижения видеопроизведений, претендует на статус эстетического события. Как аналитический и дезавтоматизированный процесс, видеовосприятие актуализирует уникальные эстетические ценности, отсылающие к индивидуальному зрительскому опыту текстового декодирования видеопроизведений. Обладая самой полной «произведенностью» экранного образа, видеовосприятие подводит видеозрителя к своеобразному ощущению катарсиса как переживания «бытия с собой», чувству собственной креативности, самоценности и единственности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Богомолов Ю.А. Продуктивные и репродуктивные формы в современной художественной культуре // Массовые виды искусства и современная художественная культура. – М.: Искусство, 1986. – 272 с.

2. Зоркая Н.М. Основные эстетические закономерности развития технических видов искусства // Средства массовой коммуникации и современная художественная культура. Ч.1. – М.: Искусство, 1983. – 311 с.
3. Лотман Ю.М. Избранные статьи в трех томах. Т.1. – Таллин: Александра, 1992.
4. Лотман Ю.М. Семиотика кино и проблемы киноэстетики. – Таллин: Ээсти Раамат, 1973 [электронный ресурс]. Режим доступа: http://thelibrary.ru/books/lotman_yuriy/semiotika_kino_i_problemi_kinoestetiki-read.html
5. Тарковский А. Запечатленное время. Глава «Начало» [электронный ресурс]. Режим доступа: <http://orthodisc.su/texty/vrema2.html>

A.Guk

TEXT, SPECTATOR AND REMEDIAL CHARACTERISTICS OF AESTHETIC VIDEO COMMUNICATIONS

Abstract: video communications – rather new electronic way of fixing, storage, processing and distribution of screen audiovisual messages. It can function as in art, and the inartistic purposes. In article video communications basic elements as aesthetic system – the video product which is representing itself as the aesthetic text are considered; the video spectator representing the aesthetic subject; interaction process between the text and the subject who is designated as aesthetic consumption or video perception.

Key words: video communications, the video text, the video spectator, video perception, video product.

УДК 008 : 1-027.21

Дьяченко И.Н.

ЭТНОМЕНТАЛЬНЫЕ КОНСТАНТЫ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ В СТРУКТУРЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ГУМАНИСТИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ*

Аннотация: В статье, в контексте современного общества, представляющего собой неравновесную, нелинейную систему, обладающую способностью порождать из беспорядка и хаоса порядок и организацию, трансформируясь в сетевую систему, рассматриваются этнические (ментальные) константы, составляющие ядро русской гуманистической традиции. Акцентированные в зависимости от сложившихся геополитическим, социально-экономическим, политическим, духовным условиям, являющиеся базовой структурой российского общества, позволяющей ему отвечать на риски и угрозы современности.

Ключевые слова: культура, русская культура, константы, константы русской культуры, гуманистическая традиция.

В настоящее время заметно усилились тревожные настроения в отношении будущего человечества, связанные с убеждением многих ведущих ученых в том, что в обществе формирующее влияние естественного отбора для человека как биологического вида не имеет значения, и генетическая эволюция человека прекратилась. Вид *Homo sapiens* оказался выключенным из потока биологической эволюции, человек стал исходной предпосылкой и результатом социального

* © Дьяченко И.Н.

прогресса. Культурная эволюция, защитив нас от биологических перегрузок, которые устраняли слабых, медлительных и плохо соображающих особей, не помогает выжить различным населяющим землю популяциям.

П. Бькенен в книге «Смерть Запада» пишет: «В период с 2000 по 2005 г. население земного шара возрастет на 3,5 млрд. Однако это увеличение численности произойдет исключительно за счет стран Азии, Африки и Латинской Америки. А 100 млн. европейцев просто исчезнут с лица земли. В 1960 г. люди европейского происхождения составляли четвертую часть мирового населения, в 2000 – 1/6, к 2050 г. они будут составлять всего лишь 10%. Европейская цивилизация завершается!» [1]. По прогнозам ООН, численность работоспособного населения Европы сократится к середине XXI века на 25%. Т.Н. Кухтевич и В.И. Добрынина рассматривают проблему старения населения Земли как социокультурную проблему [2]. Человек – это модель человечества. Еще Анаксагор заметил, что «все содержится во всем» [3, 132,478].

Россия как капля росы отражает депопуляционные европейские тенденции. По официальным источникам население РФ в 2001 г. составляло 143 954, 4 тыс. человек, в 2006 г. уже 138 млн. человек, а общая плотность населения была всего 8,4 человека на кв.км. Ежегодно РФ в результате естественной убыли теряет до 800 - 900 тыс. человек. Госкомстат РФ представил прогноз демографического развития России на период до 2016 г. По оценкам оптимистов, население страны к 2016 г. сократится до 138, 7 млн. человек, по оценкам сторонников «среднего» варианта – до 134,8 млн. человек, по оценкам пессимистов – до 128,7 млн. человек. Если ничего не изменится, то к 2050 г. численность населения РФ сократится до 100 млн. человек [4, 10; 5, 18].

Мы с 1992 г. живем в режиме депопуляции. Многие молодые люди не решаются создавать семьи, молодые семьи малодетны или бездетны. Они устойчиво ориентированы на однодетную семью. Одного ребенка имеют 54% семей россиян, двух – 37%, трех и более – 9%. 20% супружеских пар бездетны. Высокая младенческая смертность – она составляет около 13%, т.е. в 3-4 раза выше аналогичного показателя развитых стран. И сегодня убедительно звучит мысль Ч. Дарвина о том, что адаптивность особи, популяции или вида определяется количеством оставляемого потомства. Современный «потребительский человек» западной культуры не желает отдавать свою жизнь детям. Это уже было во времена древнего Рима, и снова повторяется.

Известный российский исследователь А.И. Антонов подчеркивает, что в основе подлинного сокращения рождаемости находится снижение

престижа семьи с детьми в общей иерархии значимых жизненных ценностей личности, причем это такое изменение системы ценностей, которое ориентируется на престижный образ жизни и связано с высокими притязаниями на карьеру и личный успех. Сверхсмертность мужчин, особенно в трудоспособном возрасте, привела к тому, что в России средняя продолжительность жизни мужчин упала до 58 лет. В России в настоящее время практически каждый пятый ее житель старше трудоспособного возраста. В когортах пожилых людей женщин существенно больше, чем мужчин. Так, по данным В.М. Медкова, в России на 1000 женщин приходится 878 мужчин. Большая численность женщин пожилого возраста обусловлена исторически, этнокультурно, социально-экономически, и с этим надо будет считаться вплоть до 2050 г. [5, 110].

Настораживает факт роста численности психических заболеваний среди россиян, особенно среди молодежи [6, 12]. Такое положение дел, как мы считаем, – своеобразная реакция России на прививку современного потребительства, массовизацию, обезличивание. Глобализационные процессы, подталкивающие нас в сферы влияния чуждых нам идеологий, религий, действий, активизируют функционирование механизмов отечественной гуманистической традиции, раскрывающей сущность русского гуманизма, как источника «живой воды», позволяющего нам осознать опасность болезни потребительства и, необходимости выздоровления. Ситуация усугубляется еще и тем, что наше время – очень непростой период (согласно определению М. Вебера) – период париев. Современные исследования показали, что все эти процессуальные и потенциальные свойства одновременно присущи каждому человеку, однако, одни из них преобладают над другими, что и определяет невероятное многообразие индивидуальных отличий.

Схожее наблюдается и в различных социальных системах, где основными составляющими организации коллективной жизни выступают духовная, организационно-управленческая, в т.ч. и политическая, материальная сферы, которые в своей динамике попеременно занимают то лидирующее, то второстепенное положение. Статическими конструктами социального целого являются социальные слои, к основным из них относятся, например, по классификации средневековья, духовенство, аристократия, «третье сословие» и собственно работники и т.д.

В зависимости от преобладания на определенном историческом этапе развития социальной системы той или иной сферы организации совместной жизни преобладает, соответственно, и строго определенный социальный слой. Например, при

доминировании духовной сферы лидирующее положение в обществе занимают представители духовенства (брахманы, жрецы, священнослужители) вплоть до установления теократии, что было наиболее характерно для многих государств Древнего мира. При выдвижении на первый план административно-государственной сферы главным сословием становится светская аристократия, что знаменует наступление монархии, наиболее ярко представленной в Средние века. Превалирование материального производства над духовной и административной сферами организации общества сопровождается выходом на историческую арену «третьего сословия» (купцов, бюргеров, буржуа), что во многом определило своеобразие Нового времени.

Названные сферы организации общественной жизни в определенной степени соответствуют сферам организации человеческой психики – познавательной, волевой, эмоционально-сенсорной. Все они представлены преимущественно в сознании, т.е. на высшем уровне психического отражения и саморегуляции. Однако существует еще и бессознательное, находящее свое выражение в инстинктах, аффектах, страстях и т.д. Данная область психики наиболее точно характеризует Новейшее время, где главными действующими лицами и в политике, и в экономике, и в культуре часто выступают люмпенизированные и маргинальные личности, представители «социального дна», с релятивным мировоззрением, по сути, деклассированные элементы.

Чередование доминирующих сфер организации социальной жизни составляет определенный цикл, где духовная сфера уступает свое место политической, политическая – материальной, материальная сменяется сферой, в которой люди преимущественно руководствуются бессознательным. Эта цикличность была отмечена еще древними, а также Дж.Вико [7], П. Сорокиным [8], К. Ясперсом [8] и т.д.

Основопологающим принципом чередования различных сфер организации социальной жизни и главным механизмом выдвижения на лидирующие позиции соответствующих социальных слоев выступают основные ценности, представленные, по определению К. Юнга, в архетипах [9]. В результате социальные субъекты группируются по следующим основным ценностям, ориентирующимся на духовные ценности, на политическую деятельность, на инструментальные ценности. Учитывая, что духовная сфера – это сфера высших ценностей, идеалов, религия является концентрированным выражением объективных основ, неутилитарных ценностей и конечных целей. Религии являются высшими регуляторами общественного развития и общечеловеческой деятельности.

М. Вебер предлагает в связи с этим классификацию религиозно-этических систем с учетом господствующих в тот или иной период истории социальных слоев с присущими им ценностями. Так, индуизм – упорядочивающий мир монах (брамин, жрец, теократ); конфуцианство – организующий мир бюрократ (чиновник, воин, монарх); иудаизм – бродячий торговец; христианство – бродячий ремесленник.

Особое внимание М. Вебер уделяет проблеме «религии париев», носителями которой являлись социальные группы, стоящие на нижних ступенях и даже находившиеся вне социальной иерархии. Если для представителей других социальных слоев характерна направленность интересов на «посюсторонний» мир, стремление его организовать (индуизм), упорядочить (конфуцианство), просветить (христианство), то в религии париев на первый план выступают мотивы устремления к «потустороннему», магически-культовому началу.

Вебер показывает, что наиболее активными носителями «религиозности париев» среди непривилегированных слоев являются мелкие ремесленники, обедневшие выходцы из других, более «статусных» социальных страт, например, русские разночинцы [11]. Изучение социальной истории убедительно свидетельствует о смене лидирующих позиций социальных слоев всегда в определенном порядке. Так, институт жречества получил широкое распространение в Древней Индии, Китае, Вавилоне, Египте [12].

Исторические события Древних царств указывают на начальное верховенство жрецов, постепенно убывающее примерно с 3000 к 500 гг. до н.э. Характерно, что великие пророки и основатели религий Заратуштра (Зороастр) и Моисей, жившие около 1200 г. до н.э. были современниками «жреческой эпохи». А принцы Махавира и С. Гаутама в Индии, Кун-Цзы и Лао-Цзы в Китае, жившие в VI в. до н.э., ознаменовавшие своими учениями наступление новой эпохи в истории человечества, были представителями светской аристократии. В период с III в. до н.э. по III в. н.э. на основе ортодоксальных ведических традиций сформировался классический индуизм, ставший религией не только жрецов и аристократов, но, прежде всего, широких слоев населения Индийского субконтинента, а в начале нашей эры победоносное шествие по планете начало христианство, основатель которого – Иисус Христос родился в семье плотника. Граница I и II тысячелетий ознаменовалась «разломом» существующих мировоззренческих систем. VII век принес миру еще две новые религии – ламаизм как тибетский вариант буддизма и ислам, возникший среди арабов-мещан, занимавшихся торговлей. XVI век, который отмечен

появлением в Индии новой религии – сикхизма, а в католицизме – Реформации, протестантизма, продемонстрировал возвышение ценностей «третьего сословия», которые трансформировались в ценности плебейско-крестьянских масс.

События XX века с его социалистическими революциями, магически-культовыми идеологиями и люмпенизированными вождями свидетельствуют о новой смене ценностей, наступлении эпохи «религии париев», отражающей потребности маргинальных и деклассированных слоев населения, в т.ч. уголовных элементов. Анализ событий религиозной истории человечества указывает на определенную временную закономерность в смене религиозно-этических систем [13]. Религиозно-этические системы сменяют друг друга приблизительно через 600 – 300 лет.

Итак, у нас есть надежда на очередное изменение общественного сознания, которое, следуя циклической природе «круговорота» ценностей, должно произойти в сфере духа, а не в материальной или политической сферах. О чем свидетельствуют тенденции развития материально-производственной и организационно-управленческой сфер российского общества [14].

Таким образом, ориентация на разрушение, агрессию, паразитический образ жизни и в целом на аномальное поведение, провоцирующее нереализацию заложенных способностей, способствующее психическим расстройствам, ощущению человеком подавленности и дискомфорта, неудовлетворенности, потерянности и отчужденности, присущая кризисному периоду («религии париев») XX - начала XXI века. Человек, связывающий все надежды на сохранение своей жизни только с результатами своей материальной деятельности, закономерно окажется суцидальном поле, о чем

собственно и свидетельствуют исследования Н. Холмогоровой, Е. Гаранян, И. Ермаковой. [15].

Источники нашей силы находятся не вне нас, но в нас и через нас проявляются и реализуются. Формой проявления любви человека к его собственной жизни и стремление ее сохранить является гуманизм в целом, национальная гуманистическая традиция в частности.

То, что мы модернизировались по западному образцу связано с особенностями нашего характера, с синхронизацией особенностей ранней социализации детей, с другими элементами культуры. Так, Э. Эриксон, выделял в русской культуре несколько образцов, имеющих одинаковую форму – чередование полной пассивности и бурной эмоциональной разрядки. На формирование личности русского человека, по его мнению, оказал влияние ритм крестьянской жизни в холодном климате – смена относительной бездеятельности и пассивности в долгие зимние месяцы и «периодическое освобождение после весенней оттепели [16, 543]. К. Касьянова, используя миннесотский многофакторный личностный вопросник, выявила у русских в 70-е годы XX века схожие черты – черты «культурного эпилептоида», который долго задерживает эмоциональные реакции, а затем сокрушительно и бурно взрывается [17].

Не только психологи и культурантропологи, также и философы акцентируют внимание на противоположных началах, которые легли в основу формирования русского национального характера [18, 84]. Так, Н. А. Бердяев полагал, что «в основу формации русской души легли два противоположных начала: природная, языческая дионисическая стихия и аскетически-монашеское православие» [19, 44]. Именно в этом он видел историческую причину того, что русский народ в высшей степе-

Характеристики периодов	Духовный период (древний мир)	Политический период средние века)	Материальный период (новое время)	Эпоха париев (новейшее время)
Временная протяженность	III тыс.-VI в до н.э. (более 2,5тыс.лет)	VIв.до н.э. XVI в.н.э (более 2 тыс.лет)	XVI в.- XX в. (около 500 лет)	XX в.- XXI (более 100 лет)
Господствующий Социальный слой	Духовная аристократия (духовенство)	Светская аристократия (дворянство)	«Третье сословие» (буржуазия)	Маргинальные и люмпенизированные слои, уголовные элементы
Пути к господству	Истина (Знание)	Слава (Заслуги)	Богатство (Деньги)	Сила (Агрессия)
Основные ценности	Духовные и ориентированные на духовную сферу	Ориентированные на политическую деятельность	Ориентированные на материальное производство	Ориентирован на потребление
Доминирующие психические сферы	Познавательная	Волевая	Эмоционально-сенсорная	Бессознательная
Доминирующие мировоззренческие модели	Мифологическая, Космоцентрическая	Религиозная, Теоцентрическая	Научная, Антропоцентрическая	Технократическая
Преобладающие религиозно-этические системы	Брахманизм, Зороастризм, Иудаизм	Конфуцианство, Буддизм, Джайнизм	Христианство, Протестантизм, Ислам	«Религия париев», Атеизм

ни поляризован и совмещает противоположности: деспотизм – анархизм, жестокость, склонность к насилию – доброту, человечность, смирение – наглость, рабство – бунт, а мы продолжим, патернализм – демократизм, потребительство – трудолюбие, духовность и т.п. К. Клакхон в 60-е гг. XX века с помощью личностных тестов выделил качества, присущие личности русских: сердечность; человечность; зависимость от прочных социальных контактов; эмоциональная нестабильность; иррациональность; сила; недисциплинированность; потребность подчиняться власти [20, 87].

В 1993 году в редакции журнала «Вопросы философии» произошло заседание «круглого стола» на тему «Российская ментальность», где обсуждались вопросы ее природы и изменений, ценностных ориентаций и основных характеристик. В ходе дискуссии упоминались такие компоненты российской ментальности: разрыв между настоящим и будущим, исключительная поглощенность будущим, отсутствие личностного сознания, отсутствие ответственности за принятие решений в ситуациях риска и неопределенности, облачение национальной идеи в мессианские одеяния, открытость, всеотзывчивость [21, 50]; утопически-тоталитарное сознание.

Заметим, что среди подходов к интерпретации национального характера ведущим следует считать социально-исторический, отстаивающий принцип социального или культурного детерминизма. Мы разделяем мнение Т. Стефаненко, которая считает, что уникальны не черты и не их сумма, а сложным образом детерминированная культурой и опытом исторического развития структура ментального мира представителей того или иного народа. Именно по этой причине в последнее время понятие национальный характер вслед за понятиями базовой и модальной личности покидает страницы серьезной научной литературы. Ему на смену приходит понятие ментальность: «система образов, которые лежат в основе человеческих представлений о мире и о своем месте в этом мире и, следовательно, определяют поступки и поведение людей» [22, 52].

Несмотря на многочисленные имена, которые получала ментальность от исследователей, а и сегодня термин менталитет (ментальность) остается недоформализованным, что позволяет использовать его в широком диапазоне и соединять психологический анализ и гуманитарное рассуждение о человеке. В качестве базовой конструкции ментальности будем использовать, согласно терминологии С.В. Лурье [23], этнические константы, центральные зоны ментальности этносов. Эти константы включают систему следующих образов, существующих не только на уровне сознания, но и на уровне коллективного бессознательного:

локализацию источника добра, локализацию источника зла, представление о способе действия, при котором добро побеждает зло. Лурье полагает, что *этническими константами* является не наполнение перечисленных образов, а их расположение друг по отношению к другу и характер взаимодействия. А в случае очевидного противоречия этнических констант реальности меняются не они сами, а формы их выражения – «этнические константы меняют свою одежду» [24, 224]. Эту концепцию исследовательница конкретизирует на примере психологических особенностей, присутствующих носителям русской культуры.

Источником добра в традиционной русской культуре рассматривалась община, которую сами крестьяне называли миром. Это закономерно в стране, своими корнями уходящей в земледельческую цивилизацию славян. Именно община выполняла для своих членов ценностно-ориентационную и защитную функции. Город дезориентировал крестьянина, выброшенного расстройством деревенского духа и быта в чужеродную для него среду, трансформировал его в человека, готового подчиниться в незнакомом пространстве всевозможным влияниям с наивностью ребенка, не имеющего возможности знать и понимать, что в этих условиях зло и что добро для сохранения своей собственной жизни. Ведь идентификация личности идет рядом с дифференциацией, кристаллизацией «иного», «чужого». Попытки крестьянина перенести защитные функции общины на государство, ожидая от него отеческой заботы, как от мира-общины, не увенчались успехом и это еще больше оттолкнуло крестьянство от государства. Русские – вечные дети, ищущие любви и заботы. Если не любим, то тогда защищаемся, но тоже из-за любви к жизни.

Поэтому, именно государство рассматривается в качестве локализации еще одной константы русской ментальности – источника зла, находящегося в постоянном конфликте с народом. Государство в мир, под которым понимался русский народ, не входило. Конфронтация с государством проявлялась в бунтах и восстаниях, в волоките, симуляции, дезертирстве, воровстве, мнимом неведении, в «техниках» «проскальзывания и ускальзания» [27, 57]. Лишь в ситуации внешней опасности границы между двумя группами стирались, возникала надгрупповая идентичность ради достижения общей цели – победы над общим врагом.

Итак, филоменологические свойства человека обуславливают потребность в поиске новых источников Добра, которые защитили бы его и помогли бы восстановить целостность окружающего мира. Эти качества, связанные с религиозностью русского человека, проявились в феноменах «киевского христианства» и православия, социа-

лизм-коммунизма, «Единой России». Структура социальной идентичности русских в начале XXI века находится в процессе трансформации, продолжается поиск источника добра.

Но если «*Мы-образ*» в качестве источника добра за последние сотни лет претерпел значительные изменения, то *образ покровителя* как этническая константа сохранилась в большей неприкосновенности. Вера в царя – способ психологической защиты в ответ на постоянный конфликт между народом и государством: т.к. государство на протяжении веков воспринималось как нечто чужеродное, вмешивавшееся во внутреннюю жизнь общины, отношения между ними способен был урегулировать только покровитель народа – царь. Царецентризм, конечно, тоже видоизменялся в зависимости от периода развития русской государственности и личностных качеств конкретного правителя. Особый интерес поэтому представляет методология жизнедеятельности русского человека в контексте социально-философской проблематики темы.

В системе русской ментальности один из важнейших способов действия, ведущих к победе добра над злом, – не закон, устанавливаемый «врагом – государством», а милосердие, связанное с кардиоцентричностью русской ментальности. Русский человек противопоставляет юриспруденции и моральные принципы, живя не столько по закону, сколько по совести, т.е. в соответствии с Богом, который есть Любовь (Послание ап. Павла к коринфянам 13: 4-13).

Еще один характеризующий русскую ментальность способ «действия» в борьбе добра со злом – бездействие. Лень – явление метафизическое, предостерегающего характера, свидетельствующее о существующем несоответствии экзистенциального и социального [25, 182 – 189]. Однако русская картина мира в этой области достаточно оптимистична – человеку помогают «и случай, и везение, и удача» [26, 119]. Современные исследования стратегий поведения в трудных жизненных ситуациях, факторный анализ способов совладания продемонстрировали, что самым значимым фактором у русских оказалась «обломовщина» – фантазирование, уход в мир воображаемого и желаемого [27, 206].

К ряду этнических констант ментальности, выделенных Лурье, Татьяна Гавриловна Стефаненко добавляет еще одну – представление о вероятности, с которой добро побеждает зло. Культуры, где данная вероятность оценивается как высокая, можно причислить к оптимистичным, а те, где данная вероятность предполагается незначительной, – к пессимистичным. В исследованиях русского национального характера оптимизм/пессимизм выделялся неоднократно [28, 80-81; 29]. Судя по рус-

ской лексике, для русских характерен оптимизм в прогнозе будущего, связанный с верой в то, что негативные события обойдут стороной. Расхождение в ожидаемом и актуализированном способствует преобладанию пессимистического тона. Русским свойственна уверенность в том, что все обойдется и добро непременно возобладает над злом, но в будущем.

Ни один народ не является монолитным, а ментальность отражает различия представителей разных страт и регионов. В настоящее время предпринимаются попытки представить типологии русских и российских ментальностей. Так, В.Е. Семенов предлагает следующую типологию ментальностей: православно-русская; коллективистско-социалистическая; индивидуалистско-капиталистическая; криминально-мафиозная; мозаично-конформистская, псевдоментальность [30].

Но все-таки ядром нашей ментальности является любовь к жизни во всех ее проявлениях. Если взять за основу стэндалевскую метафору любви как кристаллизации, то лучше для понимания этой константы нашего менталитета, провести параллель не с солью, а с жемчугом. Жемчуг образуется в результате случайного попадания внутрь раковины постороннего предмета. Жемчужница, не в силах избавиться от непрошеного гостя, обволакивает постороннее тело перламутровым веществом. И вот это перламутровое вещество – любовь – превращает крошечную песчинку, от которой душа не может избавиться, в настоящую жемчужину. Любовь по-русски – это попытка вытолкнуть из себя чуждую частицу, а затем – мучительное обживание ее и выращивание песчинки до жемчуга, не только в представлении раковины, но и в бытии самой песчинки.

Русская религиозность облагораживает любовь. Такая Любовь дышит воздухом возможностей, она нуждается в постоянном обновлении себя и другого. Она не боится свободы, в ее основании – вера. Любовь отпускает любимое существо на волю, чтобы снова и снова встречаться с ним в неизвестности, на заранее не обговоренных путях, куда их может вывести только врожденная предназначенность. Любовь в русском ментальном поле проявляется в жалости. Жалость как новая тревога, страх недодать, недоделаться. Любовь как жалость – это порывисто обыскивать себя и все свои владения в поисках того, что может срочно понадобиться любимому, чем можно ему помочь. Предмет этой стороны любви по-русски – это слабости любимого, его недостатки, боли, страдания, незнания, неумения. Мы видим слабости-пустоты «Другого», в которые можно вложить нашу силу.

Главная слабость любимого, на которую обязательно набредет любовь – это его смертность. Одарить любимого собою, подарить ему то

бессмертие, которое не суждено нам порознь, но которое уже есть между нами. Именно жалостью любовь вступает в состязание со смертью. Религиозные ментальные константы закладывают «принцип избытка» любви по-русски. У западного мира кризис мировоззрения, он утратил веру в высший промысел и справедливость, жизнь потеряла смысл, - Россия обсуждает с ним мирообъемлющие вопросы, делится опытом своих прежних кризисов и их преодоления. И вдруг окажется, что именно в той точке, где мы обсуждали потерю смысла, этот смысл восстанавливается. Может быть, он для того и был потерян, чтобы заново его обрести именно в милости, вере, надежде России?!

Да, у каждого народа есть то, в чем мы пытались разобраться, но уникальные не черты и не сумма, а структура. Черты русского характера, менталитета можно понять лишь в соотношении с общей системой ценностей, зависящих от социально-экономических и географических условий, от образа жизни народа и его религиозных верований. Так что, если бы Запад не оказался в кризисной ситуации, вряд ли у России было бы такое поле для ее катарсиса и будущего развития.

Итак, обобщая все вышесказанное, в результате образуются синкретичные или композитные правила поведения. По сути, в России институционализируется синкретично кластеризованное общество, включающего компоненты традиционного, либерального и постлиберального порядков. Сохраняется как возможность эволюции в направлении постлиберализма, так и опасность инверсии в российский авторитарный традиционализм. Причины такого положения связаны с функционирующими этническими (ментальными) константами, филоменологическими качествами человека, характером закрепляющегося социального порядка, процессами глобализации и действием отечественной гуманистической традиции в современном российском обществе. В основании кластерных противоречий российского социума лежит деформированная структура ментальных констант.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Бькенен, П. Смерть Запада. – М., 2003.
2. Кухтевич, Т.Н., Добрынина, В.И. Постарение населения Земли как социокультурная проблема // Вестник МГУ. – Серия 18. – 2006. - № 3. – С. 3 – 10.
3. Маковельский А.О. Досократики.- Казань, 1919.- Ч. 3.; Diels H. Doxographi graeci. - Berlin, 1879.
4. Государственный доклад о состоянии здоровья населения Российской Федерации. – М., 2002.
5. Медков, В.М. Демография. – Ростов –н/Д.: Феникс, 2002.
6. Аврамова, Е.М. О пространстве возможностей реформирования социальной сферы //
7. Вико Дж. Основания новой науки. – М. – К., 1994.
8. Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество. Пер.с англ. М., 1992.
9. Ясперс К. Смысл и назначение истории. Пер. с нем. М., 1991.
10. Юнг К.Г. Психологические типы. Пер. с нем. Е.И. Ружера. М., 1924.
11. Вебер М Избранные произведения. Пер. с нем./ Сост., общ. ред. и послеслов. Ю.Н. Давыдова.- М., 1990.
12. Религии мира // Справочник: Пер.с англ. – Белфакс, 1994.
13. Щекин Г.В. Социальная философия истории (теория социального развития). – К., 1996.
14. Реформирование России: реальность и перспективы. – М., 2002.- С.5, 113.
15. Холмогорова Н., Гаранян Е. Эмоциональные расстройства и современная культура /psylib. Org. ua./ books/_ holga 01. htm.
16. Эриксон, Э. Детство и общество. – СПб., 1996.
17. Касьянова, К.О. О русском национальном характере. – М., 1994.
18. Бердяев, Н.А. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века // О России и русской философской культуре: Философы русского послеоктябрьского зарубежья. – М., 1990. – С. 43 - 271
19. Шубарт, В. Европа и душа Востока. – М., 1997.
20. Bock, Ph. K. Rethnking psychological anthropology. Continuity and change in the study of human action. – N.Y., 1988.
21. Российская ментальность. Материалы «круглого стола» // Вопросы философии. – 1994. - № 1. – С. 25 – 53.
22. Дюби, Ж. Развитие исторических исследований во Франции после 1950 г. // Одиссей. Человек в истории. – М., 1991. – С. 48 – 59.
23. Лурье, С.В. Метаморфозы традиционного сознания. Опыт разработки теоретических основ этнопсихологии и их применения к анализу исторического и этнографического материала. СПб., 1994.
24. Козлова, Н.Н. Социально-историческая антропология. – М., 1999.
25. Дьяченко, И.Н. Религиозная духовность и проблема преодоления страха и лени современной молодежью на пути к свободе // Материалы международной конференции «Славянский мир: общность и многообразие», VI Межрегиональные научно-практические Кирилло-Мефодиевские чтения «Славянская культура в Российской цивилизации». 22-24 мая 2006 г. – Ханты-Мансийск: ОАО «Информационно-издательский центр», 2006.
26. Головановская, М.К. Французский менталитет с точки зрения носителя русского языка. – М., 1997.
27. Джидарьян, И.А. Представление о счастье в российском менталитете. – СПб., 2001.
28. Peabody, D. National characteristics. – Cambridge, 1985.
29. Джидарьян, И.А. Счастье и удовлетворенность жизнью в русском обществе // Российский менталитет: Вопросы психологической теории и практики. – М., 1997. – С. 187 – 223.
30. Семенов, В.Е. Типология российских менталитетов и имманентная идеология России // Социальная психология в трудах отечественных психологов. – СПб., 2000. – С. 485 – 492.

I. Dyachenko

ETHNOMENTAL CONSTANTS OF RUSSIAN CULTURE IN STRUCTURE OF DOMESTIC HUMANISTIC TRADITION

Abstract: This article is due to the ethnic (men-

tal) constants that make up the core of Russian humanism tradition.

Key words: culture, Russian culture, constants, constants of Russian culture, humanistic tradition.

УДК 314, 008

Елисеева Т.В.

К ВОПРОСУ О СУЩНОСТИ СИМУЛЯТИВНЫХ ОБРАЗОВ МАССОВОГО СОЗНАНИЯ*

Аннотация: В статье рассматриваются существенные черты симулятивных образов, которые оказывают активное влияние на современные социальные процессы. Среди различных видов симуляций имеют наибольшее значение симулякры, стремящиеся не просто исказить, но и полностью подменить собой реальное бытие.

Ключевые слова: образ, симуляция, медиа, симулякр, манипуляция.

Важную роль в социальном бытии играют образы, которые выступают своеобразными продуктами перевода предметов чувственно являющегося человеку материального мира в его внутренний духовный мир. Массовое сознание имеет тесную взаимосвязь с образами. По словам Г. Лебона, толпа мыслит образами, вызванный в ее воображении образ вызывает галлюцинации и хотя рассудок указывает на некоторые несообразности, но толпа их не видит и примешивает к действительному событию то, что создано ее искажающим воображением [1; 22].

В настоящее время существует возможность масштабного влияния иллюзорных представлений на все стороны жизни человека. При этом имеющиеся в настоящее время симулятивные образы представляют собой одну из разновидностей социального бытия, в котором нематериальная символическая реальность пытается выдать себя за материальную вещественную реальность, что делает невозможным для массового сознания адекватное представление об окружающем мире. По словам У. Эко, у образов есть «платоническая сила», они преобразуют частные идеи в общие. Вот так, посредством визуальных коммуникаций, легче проводить стратегию убеждения, сомнительную в ином случае [2; 5-14].

Симулятивные образы, в значительной степени искажая реальность и формируя неподлинную действительность, в определенной мере

дезорганизируют человека и делают возможным манипулирование его массовым сознанием. Ведь как писал ирландский поэт У.Б. Йейтс, сегодня стирается грань между реальностью и фантазией: видимый мир перестал быть реальностью, а невидимый мир – грезой.

Симуляция (от лат. *simulatio* – притворство) – создание ложного представления о чем-либо с целью ввести в обман. В истории общественных отношений выделяются различные виды симуляций, которые реализуются в социуме среди индивидов, социальных групп, их сообществ и объединений.

Одной из симулятивных конструкций, разворачивающихся в социуме, является иллюзия. **Иллюзия** (от лат. *illusio, illudere* – обманывать) – искаженное восприятие, ложная интерпретация и/или оценка перспектив изменения реальности, выдающая желаемое за действительное, это представление, которому соответствует определенный предмет (в отличие от галлюцинации), но произвольное вмешательство здесь душевно-духовного фактора преобразует объективную данность в направлении «данности» желаемой. Иллюзии не раз использовались для введения в заблуждение широких масс. Так, в книге Б. Пруса «Фараон» описан случай в истории Древнего Египта, когда Верховному жрецу храма Амона Херихору удалось отстранить от власти молодого фараона Рамсеса XIII, используя эффект солнечного затмения (о котором он знал заранее), повергнув в ужасающий страх толпы людей [3; 703-705].

Иллюзионист Д. Копперфильд, известный благодаря своим зрелищным иллюзиям, таким как перелет через Большой Каньон, прохождение сквозь Великую Китайскую стену, побег из тюрьмы Алькатрас, побег из сейфа во взрывающемся здании, падение с Ниагарского водопада, но более всего знаменитый своим свободным полетом, создает красочное шоу из своих иллюзий, устраивая их до пятисот в год. При этом он утверждает, что

* © Елисеева Т.В.